

— Эй, Лян-гэ, если этот сопляк отдаст то, что у него просят, что с ним делать? Неужели и правда убьём? Он же совсем ребёнок.

Мужчина опустил взгляд на измождённого, похожего на скелет Му Шуанланя, и криво усмехнулся:

— Мордашка у пареньца неплохая. Откормим немного, а когда у него проявится второй пол, может, удастся даже перевоспитать. Разве это не лучшая месть за то, что его родители предали нас?

—

Му Шуанланя привязали к деревянному кресту. Его торс сплошной полосой покрывали следы от ударов плетью — старые раны переплетались со свежими, некоторые уже покрылись корочкой, а другие еще сочились кровью.

Некогда истощенный мальчишка превратился в юношу. Тело его по-прежнему казалось хрупким, но сквозь бледность уже проступали правильные, утонченные черты лица. Он уронил голову на грудь, казалось, потеряв сознание.

В лицо плеснули холодной воды. Капли заскользили по ресницам, веки затрепетали, и он снова открыл глаза.

— У этого пацана язык подвешен намертво. Четыре года прошло, а вытянуть из него хоть слово до сих пор не получается.

— По мне так хватит с ним цацкаться: надо вколоть ему препарат, не дожидаясь пробуждения второго пола. Под действием лекарства даже стальной человек размякнет в лужу. Не верю, что он не сломается.

Му Шуанлань хранил молчание, словно они обсуждали вовсе не его.

Те люди не то чтобы не хотели использовать на нем наркотики — у них были другие планы. Но однажды он все равно ступит на этот путь.

В тот день, когда его притащили обратно в прошлый раз, мужчина волоком приволок его в лабораторию. Лабораторией это место можно было назвать лишь условно — скорее, это была бойня для экспериментов. Мужчинам и женщинам, некогда гордым альфам, вкалывали запрещенные препараты, лишая рассудка и превращая в монстров, одержимых лишь похотью.

Они умели лишь развлекаться, утопая в бесконечных муках.

Запах феромонов стоял отвратительный, густой и едкий, он ударял в нос, лужи на полу и отвратительные стоны создавали ощущение настоящего ада.

Тогда он, еще совсем мальчишка, тут же заблевал весь пол. Но мужчина не отстал от него: он бросил его в одну из клеток к другому мужчине.

Волосы того человека сбились в колтуны, руки утратили былую изящность и неестественно истончились. Он то открывал рот, то замирал, совершенно обезумев.

Увидев Му Шуанланя, он тут же бросился на него, словно дикий зверь в период течки, принялся рвать воротник его одежды и оставлять на коже один укус за другим.

Он впивался зубами, терзал и жевал, а нос Му Шуанланя был забит густым запахом чужих феромонов. Он еще даже не прошел через разделение пола, но уже чувствовал их. Этот человек окончательно потерял рассудок, в нем не осталось ничего человеческого.

— Убирайся, прочь!

Мужчина стоял за прутьями решетки и с холодным равнодушием наблюдал за тем, как Му Шуанлань подвергается «нападению». На лице изможденного подростка застыли страх и отвращение, хитрой лисьей ухмылки как не бывало, глаза покраснели, и сам он выглядел жалко.

— Если не станешь подчиняться, закончишь точно так же.

—

Му Шуанлань провел в заточении больше четырех лет, так и не получив больше шанса на побег. Ежедневные побои и пытки стали привычным делом, боль, казалось, больше не причиняла ему страданий.

То, чего добивались эти люди, он так и не отдал. Это были вещи, которые его родители добыли ценой собственной жизни — как мог он отдать их просто из-за угрозы собственной гибели?

Тем более, что даже отдав их, он бы вряд ли остался в живых.

— Ты. Сегодня пойдешь со мной, кое с кем встретишься.

Му Шуанлань поднял голову и увидел в дверях Ху Ляна, который когда-то притащил его сюда. Тот бросил короткий взгляд по сторонам и отдал приказ:

— Снимите его.

— Лян-гэ, куда это он его ведем?

Ху Лян прикрикнул на подручного:

— Не твое дело, меньше спрашивай!

Му Шуанлань и без подсказок понимал: этот день все же настал. Кто-то пришел принимать товар.

Последние два года Ху Лян сюда не заглядывал и лично не пытался выбить из него место, где спрятана вещь — видимо, он уже сам ее нашел. А в живых пленника оставляли лишь для того, чтобы исполнить то давнее обещание.

Ху Лян говорил, что у него красивое лицо, а раз он к тому же случайно оказался омегой, то пара капель зелья сделает из него настоящую игрушку. Покупатель наверняка богат и влиятелен, с чего бы ему самому тащиться в такую грязную дыру?

Живая игрушка сама явится к хозяину.

Он не сопротивлялся. Когда путы спали, он молча потер запястье и замер на месте.

Ху Лян удивился:

— Не побежишь?

Му Шуанлань поднял взгляд. Его холодные, безжизненные глаза уставились на него. Хотя парень ничего не сказал, по нему было отчетливо видно: а разве убежишь?

Ху Лян усмехнулся:

— Хоть ума хватило это понять. Ступай в комнату, переодейся, и поедем.

—

Му Шуанланю завязали глаза. Машина ехала очень долго, а он все сидел неподвижно, словно деревянная кукла, не произнося ни слова. Его раны снова кровоточили и испачкали чистую белую рубашку.

Перед самым пунктом назначения, на последнем светофоре, черная повязка спала с его глаз. Он растерянно и бесстрастно поднял голову, глядя на ночное небо.

Он так давно не видел неба снаружи.

У Ху Ляна зазвонил телефон, он опустил голову, отвечая на звонок. Му Шуанлань искоса бросил на него взгляд, равнодушно опустил ресницы, а пальцы тем временем легли на ручку дверцы автомобиля.

—

— Эй, говорю тебе, великий господин, сегодня ты больше не соскочишь! Вытащить тебя куда-то — это такой гребаный геморрой, клянусь матерью.

Лу Пинъянь сидел нога на ногу, лениво покачивая бокал с вином:

— Скучно.

— С чего это вдруг скучно? Если уж даже такой красивый маленький омега кажется тебе скучным, назови мне хоть что-нибудь интересное — клянусь, братья тут же достанут тебе это.

Лу Пинъянь залпом осушил бокал и швырнул его в сторону собеседника:

— И Шан, у тебя на уме одни омеги. Проваливай.

И Шан ничуть не обиделся. Поймав летевший в него бокал, он ухмыльнулся, притянул к себе сидевшую рядом омегу и чмокнул ее в щеку, а затем вспомнил какую-то сплетню:

— Кстати, слышал тут краем уха, твой братец в этом году поступил на юридический в Пинчэнский университет. Судя по настрою, метит на семейный бизнес.

Лу Пинъянь поднялся на ноги, сунув руку в карман, и брезгливо бросил:

— Пусть попробует. Мне плевать.

— Тогда что тебе вообще интересно? Ни омеги, ни семейный капитал... Ты в монахи податься собрался?

Лу Пинъянь отмахнулся, стоя к нему спиной:

— Того какое дело.

Он вышел из душной VIP-комнаты, глубоко вдохнул легкий аромат благовоний в коридоре и, сунув руки в карманы, неторопливо направился к туалету, но прямо в дверях столкнулся с вылетевшим оттуда пареньком.

— Ого, какое страстное проявление чувств.

Му Шуанлань оттолкнул его и попытался бежать, но Лу Пинъянь молниеносно перехватил его за запястье:

— Мелкий, куда собрался? Налетел на человека и побежал без извинений? Из какой ты семьи?

— Простите, отпустите меня.

— Скажи пожалуйста.

Му Шуанлань не стал говорить пожалуйста, а вместо этого выдавил:

— Умоляю, отпустите.

Лу Пинъянь окинул взглядом перепуганное лицо мальчишки, пятна крови на белой рубашке и проступающие сквозь воротник следы от плетей, и слегка нахмурился:

— От кого ты бежишь?

— Пусти меня! — заметив, что тот не собирается его отпускать, Му Шуанлань наклонился и впился зубами в его запястье, продолжая сжимать челюсти даже тогда, когда на языке почувствовал привкус крови.

От отчаяния слезы, которые не пролились за все годы жестоких пыток, вдруг сами собой брызнули из глаз.

— Ищите его! Найдите этого ублюдка, клянусь, я переломаю ему кости!

Лу Пинъянь поморщился и втащил Му Шуанлани прямо в свой кабинет. И Шан и остальные присутствующие замерли от неожиданности, в один голос выдав:

— Охренеть, Лу-дашао, где ты откопал такое несчастное создание?

— Ну ты даешь, молодой господин Лу! Любишь БДСМ? Вкуса тяжелее не нашлось, неудивительно, что местные пустышки тебе надоели.

Лу Пинъянь пропустил их шуточки мимо ушей и бросил холодный взгляд:

— Заткнитесь пока.

Он опустился на диван, крепко сжал подбородок Му Шуанланя и спросил:

— Хочешь, чтобы я тебя спас?

Му Шуанлань кивнул. Этот мужчина с первого взгляда не казался пай-мальчиком, но связаться с ним было всяко лучше, чем возвращаться к тем ублюдкам. К тому же, переждав эту бурю, он сможет бежать дальше.

Лу Пинъянь разглядел в его глазах холодный расчет, но поднимать шум не стал и лишь усмехнулся: а эта маленькая лисичка чертовски забавна.

Он сам бы себе не поверил, но, кажется, и вправду влюбился в этого исхудавшего лисенка с первого взгляда.

Вскоре в дверь постучали. Лу Пинъянь резким движением разорвал рубашку парня и затолкнул его под диван, а затем выхватил у сидевшей рядом девушки черную кружевную накидку и набросил на плечи пареньку так, что край зацепился за ухо.

— На колени.

Му Шуанлань опешил. Стук в дверь продолжался, деваться было некуда, и, подчиняясь приказу Лу Пинъяня, он зажмурился, опустился перед ним на колени, чувствуя, как мужская рука давит на голову, заставляя склониться ниже.

— Иди открой.

Кто-то послушно щелкнул замком. На пороге стоял швейцар в сопровождении семи-восью свирепых громил. Тот испуганно залепетал:

— Господин Лу, господин И, к нам в клуб забрав... забрался вор. Можем мы ненадолго осмотреться? Мы г-гарантируем вашу безопасность...

И Шан возмутился:

— Ты еще вздумай у нас тут обыск устраивать!

Швейцар затрясся, пытаясь объясниться, но один из амбалов грубо оттолкнул его, резким движением щелкнул выключателем и окинул взглядом комнату, где мужчины и женщины пили, пели и играли.

В самом углу у чьих-то ног стояла на коленях растрепанная «женщина», а мужчина прижимал ее голову вниз. Тьфу ты, богатые ублюдки совсем распустились, прямо живое шоу устраивают.

Лу Пинъянь скривил губы в усмешке и прикрикнул:

— Вы чего удумали? Хочешь пойти с ними?

Эта «женщина» испуганно затрясла головой.

— Раз не хочешь, так отрабатывай, — холодно бросил Лу Пинъянь, скосив глаза на незваных гостей. — Обыскали? Или так сильно хотелось поглазеть?

Ху Лян узнал этих людей и связываться с ними не планировал. Бросив прощальный взгляд на коленопреклоненную фигуру, он произнес:

— Молодой господин Лу шутить изволит. Раз воров здесь нет, мы пойдем.

Как только незваные гости скрылись, Му Шуанлань мгновенно вскочил, швырнул на пол кружевную шаль и яростно потер покрасневшее лицо:

— Ты!

Лу Пинъянь закинул ногу на ногу, сложив руки на коленях:

— Что я?

—

В те дни Лу Пинъянь был одним из самых отъявленных мажоров во всем кругу: денег куры не клюют, замашки самые изощренные, и при этом чертовски хорош собой.

С такой внешностью ему прямая дорога в шоу-бизнес: даже если бы он играл хуже дерева, все равно бы прославился. Особенно когда он смотрел на кого-то с чуть заметной, ленивой усмешкой — устоять перед этим не мог почти никто.

— Мелкий, неужели уйдешь вот так просто? — Лу Пинъянь наклонил голову, глядя на то, как парень собирается сбежать, и расплылся в улыбке. — Закладываю голову, те парни до сих пор отираются неподалеку.

И Шан удивленно протянул:

— Эй? Разве это не твои люди?

Лу Пинъянь оставил вопрос без ответа и продолжал смотреть на Му Шуанланя, словно насквозь видел его мысли, и с неизменным любопытством спросил:

— Пойдешь со мной?

Му Шуанлань опустил ресницы. Его худенькое, хрупкое тело было покрыто бесчисленными шрамами от плетей. Голос его звучал слегка хрипло — так говорят люди, которые слишком долго молчали.

— Ты смерти не боишься?

Лу Пинъянь не стал отвечать напрямую, лишь бросил небрежно:

— Умереть под цветком пиона — оно того стоит.

Эта наглая выходка уличного хулигана вызвала у Му Шуанланя глухую злость, но, поразмыслив пару секунд, он понял: связаться с этим типом все же лучше, чем быть проданным в качестве игрушки кому-нибудь другому.

Даже если ему суждено быть проданным, своего покупателя он выберет сам.

— Хорошо.

—

Лу Пинъянь привез Му Шуанланя в свою загородную квартиру. Кроме домработницы, которая приходила убираться по графику, он жил там один.

— Иди вымойся.

Му Шуанлань поймал брошенную ему одежду. На душе было одновременно унизительно и тревожно: неужели этот человек собирается «использовать товар по назначению» так быстро?

— Чего застыл? — Лу Пинъянь заметил, что тот стоит столбом, подошел, распахнул дверь ванной и спросил: — Умеешь пользоваться?

Му Шуанлань бросил взгляд на сантехнику и кивнул.

— Умеешь — так вперед.

Му Шуанлань вошел в ванную, прижимая к груди вещи. На самом деле он не имел ни малейшего понятия, как всем этим пользоваться: в клетках охранники вряд ли бакомили его благами цивилизации. Хорошо еще, если удавалось раздобыть таз с водой, чтобы просто ополоснуться.

О горячей воде он и мечтать не смел.

Привыкший к ледяной воде, он молча вымылся, а затем посмотрел на свое отражение в зеркале: истощенное, сухопарое тело, бледное лицо без единой капли крови — вылитый живой мертвец.

Интересно, как именно тот господин Лу собирается с ним поступить?

Му Шуанлань вышел, переодевшись в одежду Лу Пинъяня. На его худом теле она сидела мешковато, из-за чего он казался еще более хрупким.

— Сними рубашку.

Му Шуанлань замер в нерешительности, но всё же покорно стянул со спины ткань. Лу Пинъянь велел ему подойти и опуститься перед ним на колени спиной к нему. Парень подошел, не понимая причины, пока легкое жжение не дало ему ответ.

Тот обрабатывал ему раны.

Лу Пинъянь заговорил бесстрастно, с легкой долей пренебрежения:

— Это они тебя так отделали?

Спина Му Шуанланя напряглась, но Лу Пинъянь лишь легонько хлопнул его по плечу:

— Расслабься, мне неинтересно твое прошлое. Тебя... кто-нибудь уже трогал до этого?

Му Шуанлань покачал головой.

— Слишком худой. Сколько тебе лет?

Му Шуанлань задумался:

— Девятнадцать.

— И уже девятнадцать? Выглядишь на пятнадцать-шестнадцать. — Палец Лу Пинъяня легко коснулся выступающих лопаток парня и постучал по ним: — Ничего, не спеши, еще подрастешь.

Лу Пинъянь говорил очень мягко, но от этого по коже почему-то бежали мурашки — казалось, он страшнее самого Ху Ляна.

— Как тебя зовут?

— Му Шуанлань.

— С юга гор, в сумерках у речных вод, бурные воды текут, клубится туман морозный... — Лу Пинъянь произнес эти строчки с прохладцей в голосе, словно и вправду пальцами коснулся белой дымки над горными склонами. — Шуанлань.

— М?

— Я не люблю, когда от меня убегают. Понял?

Плечи Му Шуанланя вздрогнули. На этот раз ему стало по-настоящему страшно: он-то думал, что вел себя естественно, а этот человек видел его насквозь. Губы задрожали:

— Я не стану бежать.

Лу Пинъянь больше ничего не сказал. Закончив смазывать мазью спину и грудь, он потрепал паренька по голове со странной лаской, словно гладил домашнего питомца:

— Умница. Ложись-ка вздремнуть, я позову тебя, когда будет готов ужин.

Му Шуанлань нерешительно замер:

— Где я буду спать?

— А, на втором этаже, вторая дверь слева — моя спальня.

Му Шуанлань опустил глаза и, не став спорить, поднялся наверх. Толкнув дверь, лечь на кровать он не стал: на нем была мазь, а простыни белоснежные — если он ляжет, то все испачкает.

Заметив у окна стул, он подошел и присел на него.

—

Когда Лу Пинъянь поднялся, чтобы позвать его к ужину, он замер на несколько секунд: парень заснул прямо на стуле, свесив голову набок, на фоне крошечной тьмы за окном.

Выглядел он донельзя юным, возможно, из-за недоедания был невысоким. Но даже при этом невозможно было не заметить его утонченное, прекрасное лицо. Если его хорошенько откормить, в будущем из него выйдет настоящая красавица.

Му Шуанлань проснулся в ту же секунду, как Лу Пинъянь переступил порог. Он распахнул глаза, настороженно глядя на вошедшего, но мгновенно спрятал этот взгляд за маской равнодушия.

— Господин.

— Меня зовут Лу Пинъянь.

— Господин Лу.

— Как знаешь. Спускайся ужинать.

Му Шуанлань послушно последовал за ним вниз и увидел на столе несколько простых домашних блюд. Выглядели они не слишком аппетитно: кое-что подгорело, в яичнице явно виднелись кусочки скорлупы.

— Попробуй, сам готовил.

Му Шуанлань сел за стол, зачерпнул палочками яичницу и отправил в рот. Брови тут же невольно сошлись на переносице: пересолено.

— Невкусно?

Му Шуанлань разгладил брови, но глаза вдруг защипало. После смерти родителей он ни разу не ел горячей еды — какая разница, пересолено или нет, он бы проглотил даже то, что отдавало горечью.

— Нет, очень вкусно.

Лу Пинъянь не слишком-то поверил:

— Расклеился от еды? Детка, лезть так не работает.

Му Шуанлань смахнул слезинку с уголка глаза и упрямо бросил:

— Я не плачу. Просто в глаз что-то попало.

Лу Пинъянь по вечерам обычно не ужинал, да и в клубе напился алкоголя, поэтому проверять съедобность собственного творения не стал. Но раз Му Шуанлань уплетал все за обе щеки, значит, должно быть, неплохо.

— Ладно, иди умывайся и спать.

—

Пока парень мылся, Лу Пинъянь перерыл полки и отыскал новенький смартфон, бросил его на кровать, следом достал планшет, нашел еще пару мелочей, свалил все в кучу и ушел в ванную сам.

Когда он вернулся, Му Шуанлань сидел на кровати в совершенно голом виде, уставившись в пол с ледяным выражением лица, но услышав щелчок открывающейся двери, поднял на него глаза.

Лу Пинъянь усмехнулся еще до того, как заговорил:

— Чего сидишь? Привык спать сидя?

Му Шуанлань натянул одеяло и посмотрел на него со скучающей холодностью:

— Будем заниматься этим?

Даже выдавший виды Лу Пинъянь на секунду растерялся, но все же подошел и бросил ему пижаму:

— Каким еще этим? Ты на свои шрамы посмотри. К тому же сейчас от тебя одни кости торчат, обнимать больно будет. Сначала отъешься, а там посмотрим.

Му Шуанлань опешил. Разве не для этого тот спас его и притащил в свой дом?

— Чего застыл? Хочешь, чтобы я помог переодеться? — Лу Пинъянь наклонился к самому его уху и понизил голос: — Если будешь так смотреть, я ведь и впрямь...

Му Шуанлань злобно зыркнул на него, отвернулся и решительно натянул пижаму.

— Ты... бесстыдник!

Лу Пинъянь расхохотался:

— Это я-то бесстыдник? — С этими словами он откинул одеяло, лег в постель, усадил паренька себе на колени, притянув к груди, и взял в руки новый телефон, вводя свой номер. — Умеешь пользоваться?

Му Шуанлань помотал головой. С тех пор, как его заперли, модели телефонов успели смениться столько раз, что он едва ли разобрался в современных функциях.

Лу Пинъянь обнял его за талию и принялся объяснять самые базовые вещи, потом пододвинул планшет, открыл пару популярных приложений, объясняя, где смотреть фильмы, а где играть в игры.

Му Шуанлань быстро увлекся. Какое-то время он молча тыкал в экран, а Лу Пинъянь полулежал на изголовье кровати и с улыбкой наблюдал за тем, как опущены ресницы мальчишки. Эта маленькая лисичка снаружи казалась тихой, но кто знает, какие планы она вынашивает в своей голове.

Девятнадцать лет, спасается от преследователей, весь в шрамах.

Через что ему пришлось пройти? Лу Пинъянь задумался и отправил И Шану сообщение в мессенджере:

— Проверь мне одного паренька, зовут Му Шуанлань.

И Шан не ответил — должно быть, был слишком занят в постели какой-нибудь очередной омеги.

Лу Пинъянь не спешил, времени у него вагон. Заметив на шее Му Шуанлани еле заметную железу, он протянул руку и слегка коснулся ее пальцем.

Где-то в тишине словно грянул выстрел.

Му Шуанлань вздрогнул, будто очнулся ото сна, и в его глазах вновь мелькнул привычный настороженный взгляд:

— Что ты делаешь?

Лу Пинъянь улыбнулся:

— Я сказал, что не буду делать это. Но я не говорил, что отказываюсь от других сладостей.

С этими словами он ухватил воротник пижамы парня, резко притянул к себе и поцеловал.

Му Шуанланя никогда в жизни никто не целовал, и он мгновенно оцепенел.

Губы обожгло теплом, ощутился странный мятный привкус — не мятная конфетка, а свежий аромат молодой зелени, покрытой утренней росой. Неужели это запах феромонов?

Мазь уже подействовала: раны хоть и не затянулись до конца, но больше не саднили. Стоило пальцам Лу Пинъяня коснуться кожи, как по телу вновь побежал огонек — чуточку больно, чуточку щекотно.

<http://bllate.org/book/21169/2144715>